

марксизмъ. Это оказалось къ большой выгодѣ естественнаго отдѣла Энциклопедіи. За отсутствіемъ таковыхъ, пришлось обратиться къ настоящимъ ученымъ. И дѣйствительно, для веденія разныхъ отдѣловъ естествознанія, математики, техники, приглашены такіе выдающіеся ученые, какъ академики Юффе, Ипатьевъ и др.; въ такомъ же счастливомъ положеніи оказалось языковѣдѣніе, которое поручено ак. Марру. Въ результатѣ можно сказать, что отдѣлы научнаго знанія, которые въ классовой борьбѣ сохраняютъ строгій нейтралитетъ, по общему правилу даютъ читателю достаточно полное и вѣрное освѣдомленіе. Изъ этого общаго правила есть печальныя исключенія. Такъ, мы уже видѣли, что Астрономія, которая, казалось бы, могла сохранить нейтралитетъ, не сумѣла сдѣлать этого, подобно тому, какъ въ свое время не сумѣла сдѣлать этого обязанная нейтралитетомъ Бельгія. Такихъ исключеній не очень мало, но все таки они исключенія. Въ общемъ же названныя дисциплины въ Сов. Энциклопедіи должны быть признаны поставленными вполнѣ удовлетворительно, даже хорошо, — а нѣкоторыя слова написаны превосходно. Имѣютъ значительную цѣну также многія слова по географіи и статистикѣ, напр., такія, какъ Архангельская и Астраханская губ.

Къ этому можно прибавить, что географическихъ картъ въ Энциклопедіи не достаточно, но съ точки зрѣнія картографической техники онѣ весьма недурны, а нѣкоторыя — не хуже, если не лучше, чѣмъ у Брокгауза-Ефрона (указанная выше ошибка на картѣ Австріи — исключеніе); иллюстрацій тоже не достаточно, и онѣ болѣе тусклы и расплывчаты, чѣмъ у Брокгауза, тѣмъ болѣе у Граната; иллюстрацій въ краскахъ почти нѣтъ вовсе, но черныя иллюстраціи въ общемъ все-таки должны быть признаны вполнѣ удовлетворительными. Бумага, шрифтъ, переплетъ, вообще внѣшность Энциклопедіи весьма изящна и безспорно превосходитъ Брокгауза-Ефрона; въ этомъ отношеніи совѣтскіе рецензенты дѣйствительно имѣютъ право говорить о нѣкоторомъ достиженіи.

Но въ цѣломъ электрическая лампочка, съ какою сравнивается ими Совѣтская Энциклопедія, оказывается очень тусклой, и едва ли возможна серьезная работа при ея свѣтѣ. Достойнымъ памятникомъ великой совѣтской эпохѣ, она служить, вѣроятно, можетъ, — судить объ этомъ могутъ сами большевики, — но если она дѣйствительно послужитъ для дальнѣйшаго строительства, то врядъ ли это строительство окажется устойчивымъ и долговѣчнымъ.

В. Водовозовъ.

Евразійство. (Опытъ систематическаго изложенія). Евраз. книгоиздательство. 1926 г. 78 стр.

«Евразійскія» настроенія въ извѣстныхъ кругахъ русской интеллигенціи несомнѣнно не случайны; они имѣютъ глубокіе и существенныя корни въ характерѣ переживаемой Россіей эпохи. Если на Крымскую войну русское національное сознаніе въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія отвѣтило обостреніемъ настроеній славянофиль-

скихъ и анти-западническихъ, то сколь болѣе глубокой слѣдъ должны были оставить на немъ грандіозныя потрясенія современной намъ эпохи. Нельзя не признать, что эмоциональное состояніе, охватившее въ связи съ трагическими событіями широкіе круги русскихъ людей и въ евразійствѣ нашедшее себѣ выраженіе лишь частичное и искаженное, въ основѣ своей имѣетъ много здороваго и положительнаго.

Можно — и должно — не воспринимать слишкомъ уже въ серьезъ предсказанія о наступающемъ для Зап. Европы апокалиптическомъ двѣнадцатомъ часѣ, памятуя, что чуть не цѣлое столѣтіе успѣло протечь съ тѣхъ поръ, какъ еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка ранніе славянофилы Шевыревъ и Одоевскій впервые возвѣстили, что «Западъ гибнетъ», что отъ него уже окончательно «пахнетъ трупомъ». Но не сознавать глубоко критическаго характера современной эпохи невозможно: слишкомъ свѣжа еще въ памяти хотя бы мировая война, этотъ бредъ обезумѣвшаго человѣчества, свидѣтельствующій о страшномъ внутреннемъ его недугѣ; а «устойчивость» существующаго строя, несмотря на видимое замиреніе Европы, все же напоминаетъ скорѣе шаткое балансированіе сомнамбулы надъ бездною, чѣмъ органическое равновѣсіе покоящейся на разумныхъ основаніяхъ системы.

Можно, далѣе, осуждать проповѣдь духовнаго разрыва Россіи съ Западной Европой и удаленія въ Азію въ поискахъ пріюта оскорбленному національному чувству. Но было бы только печально, если бы русскій народъ, на своемъ горькомъ опытѣ убѣдившійся въ циничной сущности современныхъ международныхъ отношеній, не уцѣлъ бы его усиленнымъ сосредоточеніемъ своего національнаго самосознанія и утвержденіемъ своей особой индивидуальности въ ряду другихъ народовъ.

И, наконецъ, попытки разгадать тайну русской катастрофы. Что въ Россіи не произошло «государственное самоубійство великаго государственнаго народа», но болѣзненно и медленно, сопровождаемая страшными разрушеніями, протекаетъ, все же какой-то творческой процессъ обновленія Россіи, — это какъ будто бы теперь уже внѣ сомнѣній. Но почему этотъ процессъ пошелъ столь окольными и загадочными путями и куда они ведутъ? — Пусть евразійскіе огатты на эти вопросы темны и невразумительны, отъ самой ихъ постановки русскому національному сознанию не уйти никуда. Попытки же объяснить характеръ и исходъ русской революціи, отправляясь только отъ «общихъ (вѣрнѣе — абстрагированныхъ изъ западно-европейскаго опыта) законовъ историческаго развитія» — явно тщетны. Корней современныхъ событій приходится искать въ своеобразіи историческихъ путей Россіи въ прошломъ, въ особенностяхъ духовнаго облика русскаго народа. Отсюда естественно обращеніе къ той культурной традиціи, которая именно это своеобразіе путей Россіи и утверждала, — къ исторіософіи славянофильства. Можно лишь пожалѣть, что претензія на духовное наслѣдство славянофиловъ нынѣ заявляется лишь справа, вновь возникающимъ евразійствомъ, и что это наслѣдство оста-

вляется безъ достаточнаго вниманія продолжателями самобытнической традиціи въ лицѣ лѣваго народничества.

Въ настоящей замѣткѣ мы не можемъ останавливаться на критикѣ культурно-философскихъ основъ евразійства; въ «Совр. Зап.» (кн. XXI) ей посвящена статья Ф. А. Степуна. Необходимо отмѣтить только одно: что среди старыхъ представителей русской національно-культурной традиціи евразійцы по какому-то естественному средству влекутся по преимуществу къ наиболѣе узкимъ національно и къ наиболѣе реакціоннымъ политически. Ихъ вдохновляетъ Н. Данилевскій съ его принципиальной замкнутостью въ національномъ типѣ историческаго развитія, К. Леонтьевъ съ его аристократически-эстетическимъ презрѣніемъ къ свободѣ и равенству; но ихъ оставляютъ равнодушными ранніе славянофилы — И. Кирѣевскій, К. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, А. Хомяковъ, умѣвшіе свою вѣру въ самобытность Россіи соединить съ любовью къ культурѣ Запада, видѣвшіе миссію русскаго народа не въ его національной изоляціи, а въ служеніи всему человѣчеству, сочетавшіе глубокоую религіозность съ подлинной преданностью свободѣ.

До тѣхъ поръ, пока евразійство оставалось теченіемъ чисто литературнымъ, сосредоточившимся по преимуществу на проблемахъ духовной культуры вообще и исторіософіи въ частности, оно представляло и извѣстный интересъ, и даже заслуживало сочувствія, — если и не содержаніемъ даваемыхъ имъ отвѣтовъ на «проклятые» вопросы русскаго сознанія, то по крайней мѣрѣ талантливой защитой ихъ права на первое мѣсто въ порядкѣ современности. Правда, уже тогда странное впечатлѣніе производилъ какой-то двойственный характеръ евразійства, — наряду съ опредѣленно правымъ его политическимъ уклономъ — явно сочувственное отношеніе къ многимъ мѣропріятіямъ совѣтской власти.

На нашихъ глазахъ евразійское движеніе въ послѣднее время быстро перерождается: оно теряетъ свой отвлеченно академическій характеръ и стремится самоопредѣлиться какъ организованная политическая сила. Евразійцы ведутъ активную пропаганду своихъ идей, вербуютъ себѣ сторонниковъ среди молодежи. Но, спускаясь съ высотъ исторіософіи и вмѣшиваясь въ ведущую въ Россіи и о Россіи борьбу необходимо болѣе точно и четко выявить свой политико-общественный обликъ, обозначить своихъ враговъ и намѣтить возможныхъ союзниковъ. Недоговоренность въ этомъ отношеніи была главной причиной создавшейся вокругъ евразійства нездоровой атмосферы, поведшей даже къ печатнымъ обвиненіямъ евразійцевъ чуть ли не въ прямомъ сервиллизмѣ по отношенію къ большевизмической власти.

Нельзя, конечно, оправдывать чрезмѣрную легкость, съ которою въ наше время бросаются обвиненія въ «большевизанствѣ» и «смѣнѣ вѣховствѣ» или, хуже того, для уничтоженія анакомыслящаго набрасывается тѣнь на его моральную и политическую честность. Помимо своей принципиальной предосудительности, такіе виѣ-литературные приемы и нецѣлесообразны, безмѣрно осложняя и ослабляя плодотворность борьбы чисто идейной. Между тѣмъ въ евразійствѣ, чѣмъ боль-

ше оно съ теченіемъ времени оформливается какъ теченіе политическое, тѣмъ все ярче проступаютъ именно въ идейномъ отношеніи такія порочныя, соблазнительныя и ядовитыя черты, которыя сами по себѣ, въ интересахъ борьбы за русскую свободу, требуютъ самаго рѣшительнаго отмежеванія отъ нихъ.

Для выявленія общественно-политической фізіономіи евразійцевъ богатый и аутентичскій матеріалъ даетъ вышедшая на дняхъ партійная ихъ брошюра подъ заглавіемъ: «Евразійство. Опытъ систематическаго изложенія». Какъ показываетъ подзаголовокъ брошюры, она представляетъ собою попытку свести во едино высказыванія отдѣльныхъ евразійскихъ авторовъ и освѣщаетъ какъ общую идеологию движенія, такъ, главнымъ образомъ, его практическую политику. Брошюра выпущена въ свѣтъ евразійскимъ книгоиздательствомъ безъ обозначенія имени ея автора (стиль котораго, впрочемъ, легко узнать всякому, имѣвшему случай бывать на евразійскихъ семинарахъ въ Парижѣ), т. е. не за индивидуальной его отвѣтственностью, а потому, надо полагать, можетъ разсматриваться, какъ официальная программа движенія въ его цѣломъ.

Брошюра-программа начинается съ изложенія основныхъ идеологическихъ предпосылокъ евразійства. Онѣ не настолько оригинальны и достаточно уже общеизвѣстны, чтобы здѣсь на нихъ останавливаться. Тутъ и понятіе о «симфонической», соборной личности; утвержденіе православія, какъ абсолютной основы, опредѣляющей бытіе русскаго государства и содержаніе русской культуры; отходная западно-европейской культурѣ, съ особымъ отрицаніемъ демократіи; географическія и историческія изысканія въ пользу переименованія Россіи въ Евразію и пр. Не все разумѣется въ этихъ евразійскихъ утвержденіяхъ ложно, поскольку вѣрно многое въ питающемъ ихъ идейно-славянофильствѣ. Досадна лишь претенціозная манера, съ какой старая истины нынѣ пускаются въ оборотъ подъ «новой» партійной терминологіей; опредѣленно расхолаживаетъ — чисто инструментальное отношеніе къ высшимъ цѣнностямъ, обращаемымъ на службу довольно сомнительной политической тенденціи.

Конкретная политическая программа евразійцевъ съ ихъ общими идеологическими утвержденіями ни въ какой органической связи не находится. Она складывается подъ другими, болѣе современными вліяніями, — отчасти итальянскаго фашизма, но въ неизмѣрно большей степени — системы и практики диктатуры большевицкой, которую евразійцы въ своихъ построеніяхъ копируютъ рабски. Евразійскіе политическіе домыслы поэтому сами по себѣ представляютъ весьма малый интересъ, и врядъ ли заслуживали бы подробнаго изложенія. Но они важны симптоматически, какъ проявленіе нездоровыхъ, съ нашей точки зрѣнія, настроеній въ части эмиграціи, а м. б. и среди интеллигенціи въ Россіи.

И, къ сожалѣнію, приходится открыто признать настроеніе, отражающееся въ политическихъ построеніяхъ евразійцевъ, опредѣленно реакціоннымъ, — какъ въ специфически-общественномъ, такъ и въ болѣе общемъ, духовномъ смыслѣ. Несмотря на свою подчасъ

ультра-радикальную виѣшность, евразійство было и есть одно изъ оформленій праваго лагеря. Оно, правда, рѣшительно покончило съ утопией помѣщичье-монархической реставраціи, — и поэтому отъ крайнихъ монархистовъ-зарубежниковъ его отдѣляетъ пропасть, — но оно сохраняетъ всю силу старорежимной ненависти къ освободительному движенію, въ частности къ слабому проблеску русской свободы въ 1917 г., и въ большевикко-совѣтскомъ строѣ привѣтствуетъ именно его антидемократическую сущность. Въ этомъ двуединомъ, красно-черномъ источникѣ ненависти къ свободѣ, къ демократіи — подлинный паюсъ политически организующагося евразійства, его же неославнофильство — лишь виѣшнее одѣяніе, стилизація, орнаментъ.

Евразійцы — не смѣновѣховцы, корыстно продавшіе шпагу свою побѣдителю, — они внутренне, духовно обращены, соблазнены блестящимъ большевикскихъ «достиженіемъ». Они не удовлетворяются констатированіемъ безспорнаго факта, что Россія жива, что «подъ покровомъ коммунистическаго безумія протекаетъ подлинное національное развитіе», но вмѣстѣ съ Устряловымъ, Ключниковымъ, Лукьяновымъ готовы приписать въ этомъ процессѣ возрожденія активную роль — «безсознательную», правда, — самимъ большевикамъ: «сами не зная того, большевики бьются надъ конкретизаціей религиозно-этическихъ основъ русской государственности», «рождается новая индивидуация Евразіи».

За это евразійцы готовы не только все простить большевикамъ, но и превознести ихъ. Евразійцы не хотятъ помнить того, что большевики начали съ разрушенія обновляющейся въ 1917 году государственности, — потому, что обновлялась Россія тогда на ненавистный евразійцамъ западно-европейскій ладъ, — но они восторженно рукоплещутъ большевикамъ за созданья ими «новыхъ формъ государственности». Пусть большевики это — «худшіе изъ интеллигентовъ и примкнувшіе къ нимъ уголовные преступники», но благодаря своей волевой одушевленности группа большевиковъ «воплотила государственную стихію». Не смущаетъ евразійцевъ и обнаруженная большевиками страшная жестокость, — наоборотъ они видятъ заслугу большевиковъ въ томъ, что они «поняли, что въ эпоху революціи... власть можетъ утвердиться и убѣдить народъ въ своей годности только мѣрами дикаго насилія и неразборчивостью въ средствахъ». Евразійцы готовы защищать даже такой удивительный социологическій законъ: «чѣмъ здоровѣе культура или народъ, тѣмъ большей властностью и жестокостью отличается его государственность». Напрасно поэтому мы стали бы искать у евразійцевъ хотя бы тѣни нравственнаго возмущенія по поводу отвратительнаго террора большевиковъ: съ тѣмъ же бездушнымъ псевдо-историзмомъ они въ оправданіе большевиковъ твердятъ: «мѣрами насилія они утверждали и укрѣпляли государственную власть»; евразійцы клевещутъ на народъ, утверждая, — будто терроръ правительственныхъ чека служилъ какъ бы отдушникомъ и громоотводомъ, «канализируя и организуя стихійную и объяснимую исторически ненависть массъ къ барству»...

Но, оправданная, по мнѣнію евразійцевъ, исторически въ эпоху революціи, большевладкая диктатура въ настоящее время уже изжила себя. Она должна быть смѣнена, полагаютъ они, диктатурой же, и также партией («коллективнымъ Бонапартомъ»), — не трудно уже догадаться, какой, конечно, — евразійской.

Евразійцы рассказываютъ подробно и обстоятельно, какимъ образомъ они предполагаютъ взять отъ большевиковъ власть, и какую они послѣ этого надъ русскимъ народомъ евразію собираются учинить. Поистинѣ трудно сказать, чего въ этой фантастикѣ больше, — духовной цѣлѣнности у большевизма, или кабинетной интеллигентской наивности.

Вотъ каковы вкратцѣ разсужденія и планы евразійцевъ.

Хотя евразійцы и являются только одной изъ многихъ эмигрантскихъ группъ, однако единственно лишь они могутъ претендовать на роль російскаго «коллективнаго Бонапарта», ибо только они обладаютъ истинной идеологіей, способной «осмыслить русскую исторію и уяснить смыслъ революціи». Въ противоположность остальнымъ эмигрантскимъ группировкамъ, «задыхающимся въ разрѣженномъ воздухѣ своихъ абстракцій... лидерамъ, воображающимъ, что они то и есть настоящіе мужи, призванные возродить Россію», — евразійцы, не страдающіе ложной скромностью, могутъ сказать про себя: «Мы ощутили въ себѣ вѣяніе того необыкновеннаго стихійнаго подъема, той энергіи, которые столь не похожи на безвольныя мечты умирающихъ элементовъ старой Россіи и столь характерны для совершающихся въ самой Россіи процессовъ».

Положимъ, на внутри-россійскіе процессы и силы ориентируются теперь всѣ безъ исключенія зарубежныя партіи, вплоть до сторонниковъ Е. И. В. Императора Кирилла I. Но «самобытность» евразійцевъ заключается въ томъ, что въ Россіи они вовсе и не собираются апеллировать къ народу въ цѣломъ или опираться на какіе либо широкіе классы. Такія «западническія» утопіи они предоставляютъ другимъ, сами же, какъ трезвые реалисты, свою ставку открыто ставятъ на установленіе связи съ т. н. «новымъ правящимъ слоемъ».

Этотъ «новый правящій слой», которому евразійцы въ своихъ тактическихъ построеніяхъ отводятъ центральную роль, представляетъ собою дѣловую и дѣлческую верхушку всевозможныхъ совѣтскихъ аппаратовъ, состоящую изъ массы непартійныхъ спецовъ и выдвиженцевъ, пронизанную и связанную воедино коммунистической партией. Въ виду «несомнѣнной и окончательной» гибели коммунистической идеологіи, та же участь угрожаетъ и большевизмской партиі, между тѣмъ съ гибелью большевизмской партиі связаны серьезныя опасности для всего новаго правящаго слоя, для создавшихся новыхъ формъ государственности и для нормальнаго развитія самой Евразіи-Россіи. Опасность же заключается въ томъ, что въ случаѣ, не дай Богъ, какого несчастія съ большевизмской партией, — могутъ въ качествѣ претендентовъ на власть вновь появиться «выходцы съ того свѣта», — если, разумѣется, евразійцы не приняли бы заблаговременно соответ-

ствующих мэр, в результате коих руководящая роль в «правящем слое», а следовательно и господство надъ Россіей, отъ коммунистической партіи должны перейти къ партіи евразійской.

Допустимъ теперь, что всё эти розовыя мечты евразійцевъ полностью осуществились, никакія народныя массы своимъ неумѣстнымъ невѣдательствомъ евразійскихъ чертежей въ критическій моментъ не слугали, а г. г. демократамъ и социалистамъ предоставлено по прежнему любить свое теперь уже евразійское отечество все изъ того же опостылѣвшаго «прекраснаго далека». Какъ это отечество подлѣ пресвященнымъ правящимъ обладателямъ «единственной истинной идеологіи» выглядѣло бы?

Увы, — надо сказать прямо, — оно обезкураживающе, почти дослочно походило бы на ныне существующее отечество коммунистическое, ибо наши претенденты въ «коллективные Бонапарты» искренне полагаютъ, что «то, что уже создано (большевиками), создано по существу хорошо, а не плохо, и потому нуждается только въ развитіи и поправкахъ».

И, конечно, первое, что у большевиковъ добро зѣло есть, — это сама партійная диктатура.

Евразійцы также намѣрены образовать «партію особаго рода, правительствующую, и своею властью ни съ какой другой партіей не дѣлящуюся». Создается нѣчто, что, по признанію евразійцевъ, «формально подобно итальянскому фашизму, но чему, разумѣется, большую аналогію даютъ сами большевики». Но, ставши на путь партійной диктатуры, евразійская власть неминуемо должна будетъ продѣлать путь диктатуры большевицкой, весь, до конца, — отъ уничтоженія правового строя до правительственнаго террора включительно. Программная брошюра, правда, ограничивается только еще одной слѣдующей ступенькой, заявленіемъ, что евразійская диктатура «исключаетъ существованіе другихъ такихъ же партій», умалчивая о ступеняхъ послѣдующихъ. Но гдѣ, напр., въ такомъ случаѣ будетъ свобода слова, печати, собраній, союзовъ и пр.? Что должна будетъ дѣлать евразійская диктатура, которой вѣдь полагается быть, «властной и жестокой», если инныя партіи, тоже вѣрящія въ истинность своей идеологіи, не захотятъ добровольно «исключаться», и вздумаютъ бороться съ евразійцами политически?*)

Для демократіи право открытой политической дѣятельности — аксіома и изъ конкуренціи нѣсколькихъ политическихъ программъ и партій она выходъ знаетъ — обращеніе къ самому народу. Но народъ, какъ активно и самостоятельно выступающая сила, въ евразійскихъ построеніяхъ совершенно отсутствуетъ, упраздненъ принципиально. Народъ, утверждаютъ евразійцы, — слѣлая масса, обладающая лишь потенциальнымъ личнымъ бытіемъ, лишь неосознаннымъ міросозерцаніемъ

*) Представитель евразійской группы въ Брюсселѣ И. Степановъ отвѣтъ имѣетъ: онъ публично защищалъ большевицкую систему взятія политической заложниковъ и массоваго ихъ разстрѣла въ отвѣтъ на акты революціонной борьбы... («Дни» 22. ХП. 1926).

ель и бессознательной стихийной волей. Поэтому народъ не можетъ обойтись безъ попеченія о немъ правящаго слоя, представляющаго собою «организованное меньшинство, сознательно осуществляющее бессознательную волю цѣлаго». Евразійская партія беретъ на себя заботу осмысливать за народъ его же собственное міросозерцаніе и даже выражать и осуществлять его «бессознательную» волю.

Но какъ же быть, если не одно единственное, а нѣсколько организованныхъ меньшинствъ будутъ претендовать каждое на исключительно имъ однимъ правильно осознанную бессознательную волю народа? Очевидно, если самъ народъ къ роли судьи о правильности истолкованія его воли не допускается, — споръ можетъ рѣшиться только силой.

Такой симпатичный порядокъ вещей, въ отличіе отъ демократіи (— народовластія), евразійцы именуютъ демотіей, что по-видимому надо переводить какъ «народобезвластіе». Кстати, евразійская демотія не предрѣшаетъ формы правленія: ею можетъ быть республика, но равнымъ образомъ «и абсолютная монархія, тѣмъ болѣе и во всякомъ случаѣ православное русское царство, какъ наилучшая форма государственнаго единства Евразіи»...

Итакъ, вотъ онъ — евразійскій политическій идеалъ: безправный и безгласный народъ внизу, вверху — монополярная правительствующая партія, сливающаяся съ правящей бюрократіей, все это возглавлено царской (самодержавной?) властью, — это ли не подлинная старорежимная идиллія?

Впрочемъ, евразійцы согласны нѣсколько ее модернизировать признаніемъ «новыхъ формъ государственности», возникшихъ въ Россіи въ видѣ совѣтовъ. Они чрезвычайно высоко оцѣниваютъ эти будто бы органически-русскія, въ противоположность западно-европейскимъ, формы демократіи, и готовы видѣть «исключительную государственную мудрость русскаго народа» въ томъ, что совѣты сразу же были имъ оцѣнены, какъ отвѣчающіе его потребностямъ, и прочно привились въ современной Россіи. — Наивные доктринеры и не подозреваютъ, очевидно, что органическое якобы востаніе совѣтовъ въ народную почву — чистѣйшая легенда, къ тому же и выдуманная, кажется, только въ эмиграціи. Нѣтъ ни одного сколько нибудь серьезнаго совѣтскаго изслѣдованія о деревнѣ, которое не свѣдѣтельствовало бы категорически, что совѣтовъ, какъ органовъ крестьянскаго самоуправленія, въ деревнѣ до сихъ поръ не имѣется почти вовсе; что роль такого самоуправления играютъ по-прежнему общіе сходки, а пресловутые совѣты являются исключительно фискально-полицейскимъ придаткомъ административныхъ органовъ совѣтской власти.

Или же, наоборотъ, наивными оказываемся мы, и евразійской партійной диктатурѣ совѣты именно въ такой ихъ настоящей роли, какъ развѣтвленія бюрократическаго аппарата, только и нужны?

Для полноты и въ интересахъ безпристрастія надо хотя бы въ двухъ словахъ упомянуть о социальнo-экономической программѣ ев-

разійцев; она, правда, не разработана достаточно, а лишь намѣчена въ общихъ чертахъ, — но въ основѣ своей отнюдь не фантастична. Восстановленіе частной собственности, свобода хозяйственной инициативы и частнаго капитала, съ сохраненіемъ за государствомъ права осторожнаго регулированія, — все эти мѣры, конечно, необходимы въ интересахъ развитія народнаго хозяйства Россіи. Ради этого можно даже примириться съ тѣмъ, чтобы типичныя западно-европейскія буржуазно-капиталистическія отношенія именовались на евразійскій ладъ — «хозяйнодержавіемъ».

Есть, наконецъ, еще одна сторона евразійства, говорить о которой мимоходомъ особенно трудно: это — проблема Православія. Евразійцы много — б. м. слишкомъ много — говорятъ о православной вѣрѣ и православной церкви. Абсолютное утвержденіе Православія является краеугольнымъ камнемъ ихъ исторіософіи, — сама исторія Россіи, жизнь государства, творчество культуры въ ихъ глазахъ лишь вторичныя, производныя формы себя осуществляющаго бытія церковнаго. Православная церковь — смыслъ русской исторіи, цѣль русской культуры.

Такое утвержденіе какъ будто бы обязываетъ евразійцевъ. Между тѣмъ въ ихъ конкретной программѣ это категорическое, всеопредѣляющее значеніе Православія дѣлается какъ бы условнымъ и даже вообще необязательнымъ для послѣдователей евразійства. Оно и понятно, — поскольку евразійцы ориентируются въ Россіи по преимуществу на «новый правящій слой». Навивно, конечно, разсчитывать привлечь къ себѣ сердца проповѣдью религіозной идеи вообще и Православія въ особенности въ этой своеобразной средѣ рыцарей первоначальнаго накопленія — бывшихъ коммунистовъ, спецовъ, дѣльцовъ, эшмановъ и пр. Евразійцамъ остается поэтому со своими возможными союзниками изъ новаго правящаго слоя пытаться «найти общій языкъ и столковаться» только на конкретной программѣ, цѣною ея отрыва отъ главнѣйшей идеологической основы евразійства. Но, въ такомъ случаѣ что же остается отъ специфически-евразійской идеологіи, которая призвана замѣнить для правящаго слоя отживающую идеологію коммунистическую. Не одинъ ли культъ Чингисхана, какъ идеаль «властной и жестокой государственности»?

Не достаточно ясно опредѣляется въ евразійской программѣ реальный характеръ взаимоотношеній между государствомъ и церковью, будучи выраженъ въ терминахъ византійскихъ канонистовъ какъ «симфонія», согласованіе. По нашему крайнему разумѣнію, не противорѣчитъ религіозной природѣ Православія и правильно отвѣчаетъ предстоящей православной церкви великой миссіи полный отказъ отъ какой либо внѣшней, формальной связанности ея съ государствомъ, или, говоря въ терминахъ западно-европейскихъ, полное отдѣленіе церкви отъ государства.

Критически относясь къ идеологическимъ основамъ евразійства и рѣзко отрицательно — къ его политической программѣ, какъ она въ послѣднее время складывается, было бы однако преждевременно и не-

справедливо спѣшить зачислить огуломъ евразійское движеніе безоговорочно въ число враговъ свободы и демократіи.

Несомѣнно, оно находится сейчасъ на критическомъ распутіи и опасность для него окончательно выродиться въ одну изъ разновидностей національ-большевизма очевидна и велика. Но не слѣдуетъ забывать, что изъ питающихъ евразійство, какъ настроеніе, эмоциональныхъ источниковъ не всѣ отравлены; къ тому же оно еще въ періодѣ исканій, броженія. вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ уясненіемъ его политическихъ позицій, думается, дифференціація въ рядахъ евразійства необходима, — врядь ли все оно цѣликомъ сможетъ вложиться въ организаціонныя рамки единой партіи. Пожелаемъ, чтобы при этомъ евразійство, въ своихъ ли основныхъ кадрахъ или въ какихъ то значительныхъ частяхъ, отдало себѣ отчетъ въ гибельности для Россіи забвенія того духа свободы, который вѣдь также является въ исторіи, какъ одна изъ органическихъ чертъ всей нашей культуры.

Не забудемъ и того, что евразійство, даже будучи ложнымъ въ своихъ выводахъ, все же симптоматично по своимъ исканіямъ: оно свидѣтельствуемъ о назрѣвшей и еще не разрѣшенной потребности въ новомъ идеологическомъ синтезѣ для пробудившагося въ революціи русскаго національнаго сознанія. Въ выработкѣ такого синтеза обращеніе къ славянофильству, и особенно къ славянофильству раннему, можетъ быть плодотворнымъ; разумѣется, не въ рабскомъ воспроизведеніи его устарѣлаго облика, но въ критическомъ усвоеніи его живой основы. Таковую основу, не опровергнутую временемъ, мы видимъ въ признаніи самобытности путей Россіи и въ утвержденіи религіозной основы русской культуры. Раскрытіе духа свободы, не чуждаго и раннимъ славянофиламъ, пришлось бы искать въ дальнѣйшемъ развитіи русской философской мысли, а ея политическое и социальное содержаніе — у эпигоновъ самобытничества въ лицѣ русскаго народничества. Но, если отдѣльные элементы грядущаго національнаго сознанія какъ будто уже намѣчаются, ихъ органической синтезъ остается все еще дѣломъ будущаго.

В. Рудневъ.

М. В. Вишнякъ. Право меньшинствъ. Изд-во

Парижъ, 1926. Стр. 116.

Несмотря на то, что въ итогъ войны и революціи русскій народъ очутился въ цѣломъ рядѣ вновь образовавшихся государствъ въ положеніи національнаго меньшинства, въ русской литературѣ отсутствовало до сихъ поръ изслѣдованіе, специально посвященное праву меньшинствъ. Книжка М. В. Вишняка, еще раньше посвятившаго той же темѣ рядъ работъ (на русскомъ и французскомъ языкахъ), восполняетъ нынѣ этотъ пробѣлъ. Несмотря на свой небольшой объемъ, она представляетъ собою попытку всесторонне изслѣдовать проблему права меньшинствъ: въ ней данъ и краткій историческій очеркъ признанія «меньшинствъ расы, исповѣданія, языка» (гл. I — III) и анализъ дѣйствующаго меньшинственнаго права (гл. IV — V) и очеркъ